

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tzebkl>

Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг.

Федоров Владислав Иванович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4497-1934

<https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

vifedorov@fa.ru

Аннотация: Развитие дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и за рубежом трансформирует выборы, открывая перед государством и обществом новые возможности для перехода от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Однако вопросы влияния данной системы голосования на политические процессы, особенно на региональном уровне, исследованы недостаточно и требуют пристального внимания со стороны представителей социальных наук. В связи с этим цель статьи – проанализировать влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей на федеральном и региональном уровнях выборов в России в 2021–2023 гг. в сравнении с выборами аналогичного уровня, но только с использованием бумажного избирательного бюллетеня. По итогам кросс-регионального и кросс-темпорального анализа электоральной статистики результатов выборов было частично доказано, что ДЭГ как дополнительный канал голосования создает условия для предотвращения снижения явки избирателей и обеспечивает ее рост на федеральном уровне. Тем самым российская сеть электронного голосования в 2021–2023 гг. показала свою эффективность для государства в качестве его оператора. Однако на региональных выборах с применением интернет-голосования тенденция к росту явки избирателей выражена слабее. Результаты исследования позволяют утверждать, что при условии широкого общественного контроля дистанционное электронное голосование оправданно рассматривать в качестве эффективной формы конвенционального политического участия.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, ДЭГ, выборы, Государственная Дума, ЦИК России, выборы высших должностных лиц субъектов, выборы президента России

Цитирование: Федоров В. И. Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3. С. 349–358. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358>

Поступила в редакцию 05.07.2024. Принята после рецензирования 05.08.2024. Принята в печать 12.08.2024.

full article

Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023

Vladislav I. Fedorov

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the RAS, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4497-1934

<https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

vifedorov@fa.ru

Abstract: Remote electronic voting, also known as i-voting, transforms elections in Russia and worldwide, opening up new opportunities for the state and society to move from agent-object to subject-to-subject relations. However, the impact of i-voting on political processes, especially at the regional level, is yet to be studied by social sciences. The author analyzed the effect of remote electronic voting on voter turnout at the federal and regional elections in Russia in 2021–2023 and compared them with the turnout that involved traditional means of voting.

The cross-regional and cross-temporal analysis of electoral statistics partially proved that remote electronic voting as an additional voting channel increased voter turnout at the federal level. The Russian electronic voting network appeared to be an efficient state operator in 2021–2023. However, the increase in voter turnout was lower in the regions. If subjected to strict public control, remote electronic voting can justifiably be considered as an effective form of conventional political participation.

Keywords: remote electronic voting, i-voting, elections, State Duma, Central Election Commission of the Russian Federation, governor elections, presidential elections in Russia

Citation: Fedorov V. I. Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 349–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358>

Received 5 Jul 2024. Accepted after review 5 Aug 2024. Accepted for publication 12 Aug 2024.

Введение

В 2021–2023 гг. ключевой новацией избирательного процесса в Российской Федерации, определяющей значимые трансформации электорального участия, стало широкое распространение дистанционного электронного голосования (ДЭГ). ДЭГ проходило апробацию для оценки возможности масштабирования на выборах Президента в марте 2024 г., на которых оно применялось в 29 регионах. Новый способ голосования создал предпосылки для поляризации политических позиций по вопросу технологической модернизации выборов:

1. Сторонники ДЭГ (Центральная избирательная комиссия (ЦИК) РФ, мэрия Москвы, партии «Единая Россия», «Новые люди», «Зеленые», «Ростелеком», электоральные эксперты) видят в этой системе новый эффективный механизм электорального участия, обеспечивающий снижение нагрузки на организаторов выборов, повышение явки избирателей, рост электоральной поддержки.

2. Противники ДЭГ (КПРФ, Фонд борьбы с коррупцией¹, ряд электоральных экспертов и журналистов, считают, что партийно-политические предпочтения российского общества репрезентируются в процессе голосования в искаженном виде. При этом в законодательстве закреплена техническая возможность наблюдения за электронным голосованием со стороны кандидатов, партий и общественности.

ДЭГ в РФ преодолело путь от ограниченного эксперимента на выборах депутатов Московской городской Думы в 2019 г. до масштабного использования на выборах депутатов Государственной Думы (Госдума) в 2021 г. и в рамках региональных выборов в 2022–2023 гг. За четыре года опыт проведения ДЭГ получили 30 регионов, в которых

зарегистрировано около 49 млн избирателей. На губернаторских выборах России данная система к 2023 г. применялась 2 раза. В целом в ходе единого дня голосования в этом году ДЭГ проводилось в 25 регионах РФ: в 24 из них использовалась федеральная государственная информационная система², а в Москве – региональная государственная информационная система³.

Целью данного исследования является определение характера влияния ДЭГ на явку избирателей на выборах депутатов Государственной Думы и выборах высших должностных лиц субъектов РФ в 2021–2023 гг. в сравнении с выборами аналогичного уровня без ДЭГ. Наблюдение за проведением электронного голосования в России и за рубежом позволяет сформулировать гипотезу о том, что ДЭГ как дополнительный канал голосования создает условия для предотвращения снижения явки избирателей и обеспечивает ее рост. Это обусловлено расширением сроков и форм голосования, привлечением к конвенциональному политическому участию избирателей, ранее не голосовавших на избирательных участках.

Согласно авторскому подходу [1], электронное голосование в любом государстве выступает областью взаимодействия между официальной властью и контрвластью, представленной различными группами интересов общества, для приобщения граждан к законному политическому участию, которое обеспечивается удержанием и расширением аудитории избирателей, принимающими новый способ голосования. Сеть электронного голосования обладает значительным партисипативным потенциалом для обеспечения конвенционального политического

¹ Признан в России иностранным агентом и экстремистской организацией.

² Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. URL: <https://vybory.gov.ru/> (дата обращения: 04.05.2024).

³ Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/vote2024/> (дата обращения: 04.05.2024).

процесса и обмена информацией об электоральном выборе между государством и обществом.

При интенсификации электронного взаимодействия у государства и общества есть потенциал перехода от субъект-объектных к субъект-субъектным отношениям, в которых у второго будет возможность формулировать запросы к государству. Реализация этого потенциала во многом зависит от активности и самоорганизации общества. Успех функционирования сети электронного голосования для государства как его оператора выражен в таких показателях, как рост явки избирателей / предотвращение ее снижения, доверие общества к результатам выборов, минимизация организационных ресурсов на их проведение. Цель сети электронного голосования обусловлена целью государства, которая заключается в самосохранении и политическом управлении обществом с минимизацией неконвенциональных форм политического участия.

В связи с широким распространением электронного голосования наблюдается всплеск интереса исследователей к его различным аспектам. За рубежом публикации по данной теме начали появляться в начале 2000-х гг., а в России – после 2019 г., что стало естественной реакцией общественных наук на цифровизацию политического процесса. Так, пионеры зарубежных исследований электронного голосования, выработавшие политологический подход, рассматривают ДЭГ, во-первых, как новый механизм политического участия и мобилизации избирателей, во-вторых (в перспективе), как механизм онлайн-делиберации, формирующий условия для возможного перехода от представительной демократии к партисипативной [2–5].

В российском научном дискурсе изучались особенности электронного голосования и его влияние на результаты выборов [6–9] и довольно быстро по вопросу ДЭГ сложились позиции цифровых оптимистов, реалистов и алармистов:

1. К цифровым оптимистам следует отнести С. С. Морозову и Д. А. Будко, которые указывают, что привычка к электронному голосованию уже формируется у российских избирателей [9, с. 66]. По их мнению, неотъемлемой частью развития электронного голосования должна стать широкая просветительская работа разных ведомств на межрегиональном уровне для подготовки к более масштабному внедрению системы ДЭГ.

2. Реалистического подхода к электронному голосованию придерживается Н. А. Баранов, считающий, что у цифровых технологий на выборах есть потенциал для завоевания доверия общества по мере признания избирателями преимуществ ДЭГ, других

достижений в технологической модернизации избирательного процесса и решения технических проблем [7, с. 443–444].

3. Среди цифровых алармистов необходимо выделить известного политического консультанта И. Е. Минтусова, формулирующего сквозь призму зарубежного опыта электронного голосования в англосаксонских странах и Южной Америке проблемы и «серые зоны» ДЭГ (технические сбои и угрозы хакерских атак) [8, с. 71].

В зарубежных исследованиях предметно рассматривается вопрос влияния ДЭГ на явку избирателей [10–16]. Ученые признают, что ДЭГ как дополнительная и более удобная форма голосования имеет потенциал увеличения явки избирателей, но условия его применения в конкретной стране могут нивелировать возможности роста явки. В работах российских политологов данный вопрос остается одной из исследовательских лакун.

М. Солвак и К. Вассил отмечают, что привычка к ДЭГ формируется быстро, и чем выше будет доля электронных избирателей, тем более устойчивой станет и явка на выборах [14, с. 21]. В Швейцарии и Эстонии электронное голосование довольно успешно используют вот уже более 15 лет:

1. В швейцарских кантонах Женева и Цюрих применение ДЭГ в 2000-е гг. не обеспечило увеличения явки избирателей, т.к. эта форма голосования была непривычной и малоизвестной в отличие от досрочного голосования по почте и на избирательном участке [11]. При этом в 2006–2013 гг. новая система способствовала увеличению явки среди швейцарских избирателей в возрасте 80 лет и старше, в особенности мужчин, но не оказала никакого влияния на молодых людей [10]. Наиболее широко ДЭГ применялось в Швейцарии на референдумах и парламентских выборах в 2011–2017 гг. в 15 кантонах.

Однако накануне очередных парламентских выборов в 2019 г. в электронном голосовании были выявлены серьезные технические проблемы, из-за которых злоумышленники могли бы фальсифицировать итоги голосования. В результате общественного давления Федеральный совет Швейцарии принял решение отказаться от использования ДЭГ на 5 лет, ведя при этом разработку новой платформы электронного голосования, создателем которой стала государственная компания *Swiss Post*. Отказ от этой системы привел в 2019–2022 гг. к снижению явки среди избирателей-экспатриантов, для которых дистанционный способ голосования был гораздо удобнее, чем почтовое голосование [17].

В 2023 г. Швейцария вернула ДЭГ в выборную практику, сделав его доступным только для

избирателей-эспатриантов, зарегистрированных в кантонах Базель-городской, Санкт-Галлен и Тургау, а также для людей с ограниченными возможностями [18, с. 89]. В результате применения электронного голосования на парламентских выборах в этих субъектах страны явка избирателей увеличилась на 2 % по сравнению с предыдущими выборами, которые проводились без ДЭГ.

2. В Эстонии в 2005–2019 гг. применение ДЭГ не привело к значительному увеличению явки избирателей, т.к. голосование и без того было легкодоступным и не создавало цифрового разрыва между гражданами с разными социально-демографическими характеристиками [19]. Однако к 2023 г. Эстония провела уже пять парламентских выборов с использованием электронного голосования. По сравнению с последними выборами, реализованными в старой форме, прирост явки в 2003 г. составил 5,46 % и достиг в 2023 г. 63,7 %. Кроме того, Эстония также стала первым государством, доля электронных избирателей которого на общенациональных парламентских выборах в 2023 г. превысила половину, составив 51 % [20, с. 20].

Увеличение явки на 2–4 % стало возможным благодаря применению электронного голосования на выборах органов местного самоуправления в канадской провинции Онтарио (ДЭГ применяется там более 15 лет) [12, с. 1164]. Однако важно подчеркнуть, что положительный эффект ДЭГ на явку может быть нивелирован при необходимости регистрации избирателей на портале голосования и ограничении сроков голосования периодом накануне выборов.

Методы и материалы

Наибольшее значение в анализе влияния электронного голосования на явку избирателей отводится теории информационного общества и сравнительному подходу, т.к. они позволяют рассмотреть ДЭГ с учетом его социотехнической структуры и географии распространения. В качестве базовой модели исследования в статье применяется авторская концепция электронного голосования как сети коммуникаций государства и общества, одним из ключевых показателей успеха которой являются контроль и удержание аудитории избирателей, выражаемые в показателях явки на выборах. В рамках сравнительного подхода был проведен кросс-региональный и кросс-темпоральный анализ электоральной статистики результатов выборов с применением электронного голосования.

Результаты

Для государства как оператора сети электронного голосования рост и предотвращение снижения явки избирателей очень важны в целях вовлечения граждан в конвенциональное политическое участие. Чем выше явка, тем выше репрезентация политических интересов общества и легитимность выборов. Для России, как и для других государств, накануне перехода на ДЭГ актуальной проблемой являлось снижение явки избирателей на всех уровнях выборов. Во второй четверти XXI в. электоральная активность в РФ была ниже, чем в конце XX в. Тенденция к снижению явки наблюдалась даже на президентских и парламентских выборах. Так, в 1991–2012 гг. средняя явка на шести президентских выборах составила 69,15 %, а в 2018 г. – 67,54 %; по итогам семи парламентских выборов в 1993–2016 гг. – 58,42 %, а в 2021 г. – 51,72 %. В 2016 г. на выборах депутатов Госдумы абсентеистов стало больше, и явка составила 47,88 %.

Вопрос о причинах снижения электоральной активности в России остается дискуссионным. С одной стороны, постепенная потеря интереса к выборам и уменьшение явки избирателей можно объяснить сложившейся асимметрией отношений государства и общества с доминированием первого [21]. С другой – снижение электоральной активности объясняется трансформацией корпуса избирателей, включающего в себя больше экономически активных жителей городов с высоким темпом жизни, ориентированных на профессиональное обучение, работу и досуг. Параллельно с этим происходит естественное выветывание когорты пожилых избирателей, придерживающихся советской традиции обязательного участия в выборах и склонных доверять государственному аппарату [22, с. 139].

Рассмотрим в хронологическом порядке избирательные кампании, на которых ДЭГ широко применялось – выборы депутатов Госдумы в 2021 г. и губернаторские выборы в 2022–2023 гг. Эмпирической базой исследования являются официальные результаты выборов, опубликованные ЦИК России⁴, а также результаты опросов общественного мнения. Принимая во внимание, что для государства в системе электронного голосования один из критериев успеха – удержание и контроль аудитории избирателей [1], в каждом рассматриваемом случае избирательной кампании мы сравниваем проведенные выборы с использованием специального программного обеспечения с равным количеством выборов того же уровня без его применения.

⁴ Календарь выборов. ЦИК РФ. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 04.05.2024).

Путем нахождения среднего арифметического рассчитывались: средняя явка граждан и результат кандидата / партии до перехода на электронное голосование и после. Разница между двумя значениями демонстрирует прирост / снижение явки избирателей. Эмпирическое ограничение статьи – недоступность для анализа данных о ДЭГ в разрезе участковой избирательной комиссии (УИК), поэтому можно сравнивать только агрегированные данные на уровне региона.

ДЭГ на выборах депутатов Госдумы

На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. были опробованы следующие технологии повышения явки избирателей: трехдневное голосование и голосование по месту нахождения, применявшиеся по всей стране, и ДЭГ, применявшееся в семи регионах (Курская область, Москва, Мурманская область, Нижегородская область, Ростовская область, Севастополь, Ярославская область). В шести из семи регионов проведения электронного голосования (кроме Курской области) явка избирателей выросла. В целом по России на парламентских выборах в 2021 г. она составила 51,72 % и по сравнению с 2016 г. увеличилась на 3,84 %: через Интернет проголосовало 4,61 % избирателей. Наибольшая доля электронных избирателей была в Москве – 49,77 % с максимальным приростом явки на 15 %.

Анализ электоральной статистики парламентских выборов показывает корреляции между увеличением доли ДЭГ и приростом явки избирателей на уровне региона в целом (в Москве, Мурманской и Ярославской областях). В четырех других случаях появление электронного голосования не привело к значительному увеличению явки избирателей (рис. 1).

По мнению автора, идеологический мотив политического участия и партийная идентификация избирателя оказывают влияние на выбор способа голосования. Избиратель следует за установками той или иной политической силы, поддерживающей или отвергающей ДЭГ, что влияет на ее электоральную поддержку и структуру явки избирателей. Партия «Единая Россия» и ее кандидаты в одномандатных округах призывали использовать электронное голосование, а лидеры оппозиционных партий (прежде всего КПРФ) выступали против, настаивая на безопасности этой системы. Еще одним подтверждением предположения о влиянии идеологического мотива и партийной идентификации служит пример В. А. Рыжкова, кандидата от партии «Яблоко»,

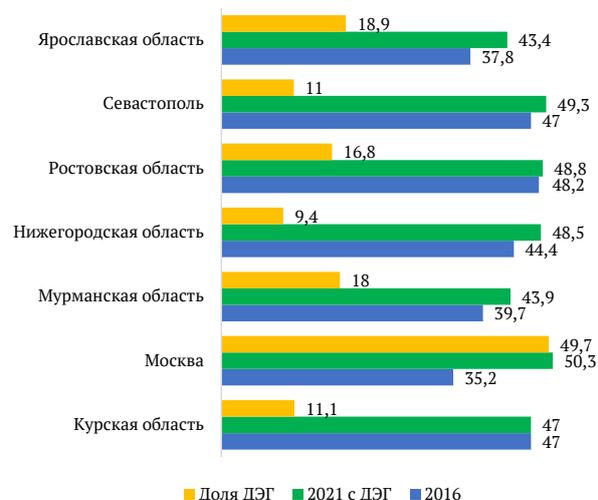

Рис. 1. Сравнение явки избирателей на выборах депутатов Госдумы в 2016 и 2021 гг., %

Fig. 1. Voter turnout in elections for State Duma, 2016 vs. 2021, %

который победил на довыборах в Московскую городскую Думу по округу № 37, проводившихся в 2021 г., призывая своих сторонников участвовать в ДЭГ.

При использовании ДЭГ в 2021 г. на выборах депутатов Госдумы поддержка «Единой России» относительно выборов 2016 г. снизилась. В целом по стране эта партия в 2021 г. набрала 49,82 % голосов избирателей против 54,2 % в 2016 г., т.е. на 4,38 % меньше. Во всех регионах с ДЭГ, кроме Севастополя (+2,6 %), у «Единой России» электоральная популярность также упала: в Нижегородской области – на 11 %, в Курской и Ярославской областях – на 8 %. Однако на выборах в одномандатных округах в регионах с ДЭГ в 2021 г. кандидаты-единороссы одержали победу в 27 округах из 33 (82 %), тогда как в 2016 г. – 29 из 33 (87 %). Кандидаты от «Справедливой России» победили в 2 округах Ярославской области и в одном округе Москвы, а самовыдвиженцы из «Списка Собянина» – в трех столичных округах.

КПРФ в 2021 г. во всех регионах с ДЭГ набрала больше голосов избирателей, чем на выборах в 2016 г. Более того, в Москве коммунисты практически удвоили результат, несмотря на половину электронных избирателей в структуре явки. При этом они не признали результаты электронного голосования парламентских выборов в Москве, по итогу которых ряд их кандидатов проиграл в одномандатных округах⁵. Так по сравнению с голосованием на участках результат единосроссов и «новых людей» в ДЭГ был выше, а КПРФ – ниже, что отражено в данных таблицы.

⁵ Мы не признаем электронного голосования! КПРФ. 20.09.2021. URL: <https://kprf.ru/activity/elections/205569.html> (дата обращения: 03.05.2024).

Табл. Сравнение результатов голосования на участках и в ДЭГ на парламентских выборах в РФ в 2021 г., %
Tab. Voting results at polling stations vs. remote electronic voting in parliamentary elections in 2021, %

Партия	Тип голосования		Разница между ДЭГ и УИК
	УИК	ДЭГ	
«Единая Россия»	41,21	47,24	+6,03
КПРФ	21,27	12,65	-8,62
«Справедливая Россия – За правду!»	9,9	9,17	-0,73
ЛДПР	8,57	8,36	-0,21
«Новые люди»	6,04	8,77	+2,73

Три другие парламентские партии агитировали людей голосовать за них любым удобным способом. «Справедливая Россия – За правду!» и ЛДПР выступили по-разному: справедливороссы увеличили свою электоральную популярность в регионах проведения ДЭГ и в целом по России, а ЛДПР уступила часть своих мест в парламенте дебютировавшим на федеральных выборах «Новым людям».

ДЭГ на губернаторских выборах

На губернаторских выборах в 2022 г. ДЭГ применялось в Калининградской, Новгородской, Томской, Ярославской областях (рис. 2). Избирательные кампании освещались в СМИ неактивно, что сказалось на интересе к выборам со стороны избирателей. А. А. Алиханов, губернатор Калининградской области, и А. С. Никитин, губернатор Новгородской области, уже побеждали на выборах в 2017 г. и пользовались

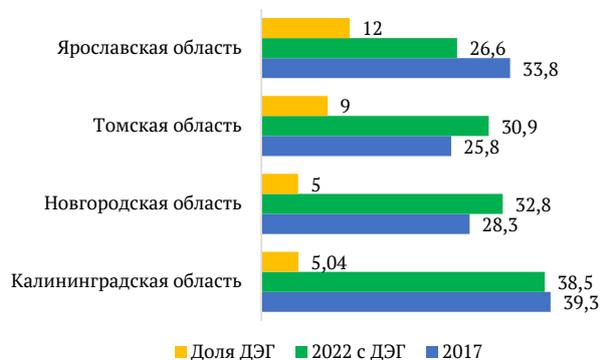

Рис. 2. Сравнение явки избирателей на губернаторских выборах в 2017 и 2022 гг., %
Fig. 2. Voter turnout in gubernatorial elections, 2017 vs. 2022, %

поддержкой жителей региона и политических элит, а вот в Томской и Ярославской областях были назначены врио В. В. Мазур и М. Я. Евраев. При использовании электронного голосования явка избирателей выросла в Томской области на 5,1 %, в Новгородской – на 4,5 %, а в Калининградской и Ярославской областях снизилась на 0,8 % и 7,2 % соответственно. В структуре явки доля электронных избирателей в 2022 г. составила 7,76 %, но в среднем выросла на незначительные 0,4 %.

По данным постэлекторального опроса ВЦИОМ⁶, 69 % россиян (+3 % с 15.09.2020), считают, что выборы в их регионе прошли в целом честно, без серьезных нарушений, фальсификаций. Противоположной точки зрения придерживаются 18 % (-6 % с 15.09.2020). По мнению 66 % россиян (+5 % с 15.09.2020) результаты выборов соответствовали волеизъявлению избирателей. 23 % считают, что результатам выборов доверять не следует (-5 % с 15.09.2020).

В 2023 г. география ДЭГ на губернаторских выборах расширилась до семи регионов, а явка избирателей относительно предыдущих выборов выросла в большинстве из них (рис. 3). Наиболее существенная положительная динамика отмечена в Московской (22,02 %), Нижегородской (15,51 %) областях и в Москве (12,28 %). Лишь в Алтайском крае явка избирателей снизилась, что можно объяснить избирательной кампанией с отсутствием интриги

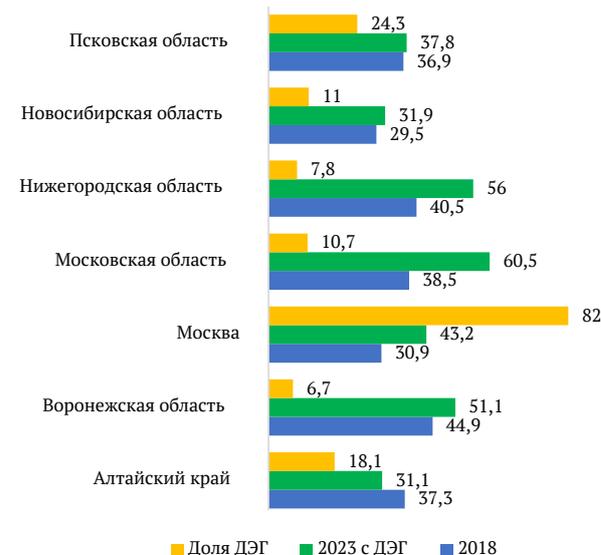

Рис. 3. Сравнение явки избирателей на губернаторских выборах в 2018 и 2023 гг., %
Fig. 3. Voter turnout in gubernatorial elections, 2018 vs. 2023, %

⁶ Региональные выборы–2022. ВЦИОМ. 19.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regionalnye-vybory-2022> (дата обращения: 03.05.2024).

из-за неучастия в выборах депутата Госдумы М. Н. Прусаковой, члена КПРФ, и череды самоотводов уже зарегистрированных кандидатов. Примечательно, что на выборах мэра Москвы электронных избирателей впервые было больше (81 %), чем голосовавших бумажными бюллетенями.

В среднем явка избирателей на губернаторских выборах в 2023 г. по сравнению с выборами 2018 г. выросла на 7,58 %, а в 2023 г. доля ДЭГ в 7 регионах составила 22,8 % (без учета Москвы в шести регионах – 13,1 % против 7,76 % в 2022 г.).

В июле 2023 г. были обнародованы данные исследования ВЦИОМ, свидетельствующие о положительной динамике отношения россиян к процедуре ДЭГ. Как отметил М. В. Мамонов, руководитель Департамента политических исследований ВЦИОМ, порядка 76 % опрошенных заявляли, что знают / слышали / имеют опыт участия в ДЭГ. За распространение ДЭГ в регионах выступает большинство (59 %) респондентов⁷.

В августе 2023 г. также были обнародованы результаты исследований об отношении к ДЭГ московских социологов из группы *Russian Field* и их воронежских коллег из института общественного мнения «Квалитас». В Москве 48 % респондентов сообщили, что предпочитают проголосовать с помощью ДЭГ, а 45 % выбрали традиционный способ. Большинство опрошенных (71 %) выступили за распространение ДЭГ во всех регионах России. Более половины участников опроса (53 %) доверяют ДЭГ в Москве (27 % скорее доверяют, 26 % полностью доверяют). О недоверии сообщили 36 % москвичей, большая часть из которых – мужчины (42 %)⁸. В Воронежской области в опросе приняли участие 1,6 тыс. респондентов, из которых 69 % знали о возможности дистанционного голосования, еще 20 % что-то слышали, и ничего не знали 11 %. К возможности распространения ДЭГ 48 % относились скорее положительно, 23,5 % – нейтрально, 25 % – скорее отрицательно. Готовность проголосовать электронным способом выразили 30 % респондентов⁹.

Заметно, что всероссийские и региональные социологические исследования накануне региональных

выборов в 2023 г. отражали высокий уровень информированности о ДЭГ (69–76 %) как новом способе голосования, что привело к высокой доле электронных избирателей (22,8 %) в структуре явки. Однако показатели готовности принимать участие в ДЭГ заметно отличались: в Москве таких было больше, чем в Воронеже, где ДЭГ применялось впервые.

Существенных отличий в онлайн- и офлайн-голосовании 2023 г. в шести регионах не зафиксировано. Популярность С. С. Собянина в ДЭГ была выше, чем на УИК, что можно объяснить бойкотом ДЭГ со стороны избирателей Л. А. Зюганова и мобилизацией сторонников мэра Москвы. И, наоборот, в Воронежской области действующий губернатор А. В. Гусев получил заметно меньше электронных голосов, чем на участках. При этом в Воронежской области на губернаторских выборах в 2023 г. на дому проголосовали около 30 % избирателей, что всегда создает предпосылки для обвинений в фальсификациях. Отметим, что воронежский губернатор победил по результатам и дистанционного голосования, и «живого».

По сравнению с парламентскими выборами 2021 г. губернаторские избирательные кампании в 2022–2023 гг. проходили в условиях более низкого интереса избирателей в большинстве регионов, что характерно и для выборов за рубежом. Об отсутствии значимых нарушений в ходе электронного голосования в указанный период времени свидетельствуют эксперты Независимого общественного мониторинга, наблюдавшие за выборами в регионах проведения ДЭГ¹⁰.

Заключение

В результате проведенного кросс-регионального и кросс-темпорального анализа электоральной статистики результатов выборов с применением ДЭГ в России в 2021–2023 гг. сделаны выводы о характере влияния технологических новаций на выборы.

Во-первых, российская сеть электронного голосования показала свою эффективность для государства в качестве его оператора в таком ключевом показателе как рост явки избирателей / предотвращение

⁷ «Это генеральная репетиция перед 2024 годом» – мнение экспертов о предстоящем ЕДГ. *Независимый общественный мониторинг*. 27.07.2023. URL: <https://nom24.ru/info/events/eto-generalnaya-repetitsiya-pered-2024-godom-mnenie-ekspertov-o-predstoyashchem-edg/> (дата обращения: 03.05.2024).

⁸ Электоральные настроения москвичей (30–31 августа 2023). *Russian Field*. URL: <https://russianfield.com/votingmsk> (дата обращения: 03.05.2024).

⁹ Электронное голосование. В Воронежском клубе политологов обсудили роль новых технологий на выборах. *РИА «Воронеж»*. 25.08.2023. URL: <https://riavrn.ru/stories/elektronnoe-golosovanie-v-voronezhskom-klube-politologov-obsudili-rol-novyh-tehnologij-na-vyborah/> (дата обращения: 03.05.2024).

¹⁰ В ОП РФ создадут группу по проработке предложений наблюдателей за федеральной системой ДЭГ. *Независимый общественный мониторинг*. 26.09.2023. URL: https://nom24.ru/info/events/v-op-rf-sozdadut-gruppu-po-prorabotke-predlozheniy-nablyudateley-za-federalnoy-sistemoy-deg-/?sphrase_id=16361 (дата обращения: 03.05.2024).

ее снижения на федеральном уровне выборов. Однако на региональных выборах с применением ДЭК тенденция к росту общей явки избирателей выражена слабее. К таким же выводам приходят и другие российские исследователи, отмечающие отсутствие сильной корреляции ДЭГ и роста общей явки избирателей на выборах регионального уровня [23, с. 71]. Однако, по мнению И. Б. Борисова и А. О. Гаджиевой, цифровая модернизация избирательного процесса существенно облегчает работу членов избирательных комиссий и повышает удобство голосования для избирателей, что создает не всегда реализованные условия для роста их явки [24; 25]. В странах Европы тоже интенсифицируется развитие электронного голосования, стимулирующего электоральную активность [26, с. 2].

На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. явка избирателей в целом по России составила 51,72 % и по сравнению с 2016 г. выросла на 3,84 %. В семи регионах проведения ДЭГ явка увеличилась на 5,31 % относительно 2016 г. В РФ общая доля электронных избирателей в структуре явки составила 4,61 %, близкие к показателям прироста электоральной активности. На губернаторских выборах в 2022 г. в четырех регионах применения ДЭГ явка избирателей выросла на 0,4 %, а доля электронных избирателей в структуре явки составила 7,76 %; в 2023 г. в семи регионах с ДЭГ прирост явки достиг 7,58 %, а доля электронных избирателей – 22,8 %. При этом в 8 из 11 случаев губернаторских выборов с ДЭГ отмечен рост явки, а в 3 – снижение. Отметим, что в 2023 г. в структуре явки на выборах мэра Москвы доля ДЭГ составила 82 %, а итоговая явка была на уровне 43 %, увеличившись на 12 % по сравнению с аналогичными выборами в 2018 г. Именно в Москве для участия в ДЭГ не нужна была предварительная регистрация на портале голосования, что подтверждает тезис о положительном влиянии отсутствия дополнительных фильтров для доступа к ДЭГ на электоральную активность [12, с. 1164].

Во-вторых, в связи с полученными данными выдвинутая гипотеза о положительном влиянии ДЭГ на явку избирателей на выборах федерального и регионального уровня в 2021–2023 гг. подтвердилась частично. Однако гибкие сроки и формы электронного голосования, его экстерриториальность, а также формирующаяся психологическая привычка [14] привлекают избирателей, которые ранее не голосовали на избирательных участках. Кроме того, одновременно с ДЭГ применялось трехдневное голосование и голосование по месту нахождения,

которые тоже выступали донорами явки избирателей, поэтому совокупный эффект этих технологий сказался на общем росте электоральной активности, в особенности на федеральных выборах. Для более глубокого понимания влияния ДЭГ на явку избирателей в России необходимо продолжение компаративного анализа на эмпирическом материале нескольких электоральных циклов с применением электронного голосования, что будет доступно после выборов депутатов Государственной Думы в 2026 г.

В РФ и других государствах-операторах ДЭГ влияние данной системы на рост и предотвращение снижения явки избирателей становится заметно спустя несколько электоральных циклов при постепенном знакомстве избирателей с новым способом голосования и расширением географии его применения. Очевидным барьером для организации более широкого участия российских избирателей в электронном голосовании остается необходимость предварительной подачи заявления на федеральном портале. В случае отказа от ДЭГ явка избирателей может снизиться, особенно в том случае, если для определенной группы этот способ голосования наиболее удобный, что, к примеру, произошло в Швейцарии с избирателями-экспатриантами [17].

В-третьих, ДЭГ проводится в интересах государства как создателя сети электронного голосования, вовлекающего в конвенциональное политическое участие новые группы избирателей, которые тоже получают преимущества, выбирая наиболее удобный способ голосования с гибкими сроками и формами. Электронное голосование выгодно тем политическим силам, которые агитируют своих избирателей принимать в нем участие. На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. и других региональных выборах идеологический мотив политического участия проявился в следовании избирателей за призывами политических партий по участию («Единая Россия», «Новые люди») или бойкоту ДЭГ (КПРФ). На губернаторских выборах в 2022–2023 гг. в регионах проведения электронного голосования победили кандидаты, которые уже занимали должность губернатора в течение 5 лет либо были назначены врио решением Президента.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана в рамках научного проекта «Дистанционное электронное голосование в социально-политических коммуникациях: общественное наблюдение и политическое участие», реализованного в Институте научной информации по общественным наукам РАН и поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Funding: Project "Remote e-voting in socio-political communications: Public observation and political participation" was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research and implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

Литература / References

1. Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022. № 4. [Fedorov V. I. Electronic voting: A communication network that links state and society. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2022, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1208>
2. Alvarez M. R., Hall T. E. *Electronic elections: The perils and promises of digital democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2008, 256. <http://doi.org/10.1515/9781400834082>
3. Krimmer R. *The evolution of e-voting: Why voting technology is used and how it affects democracy*. Tallinn: TUT Press, 2012.
4. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivososova I. New methodology for calculating cost-efficiency of different ways of voting: Is Internet voting cheaper? *Public Money & Management*, 2020, 41(1): 17–26. <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>
5. Rubin A. D. *Brave new ballot: The battle to safeguard democracy in the age of electronic voting*. NY: Morgan Road Books, 2006, 280.
6. Алексеев Р. А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее. *Журнал политических исследований*. 2020. Т. 4. № 4. С. 25–38. [Alekseev R. A. Blockchain technology in elections: Past, present and future. *Journal of Political Research*, 2020, 4(4): 25–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-38>
7. Баранов Н. А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. [Baranov N. A. From distrust to legitimization: The difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 2022, 24(3): 433–446. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
8. Минтусов И. Е., Ячменева О. А. О практике электронного голосования в странах Южной Америки. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 2. С. 71–92. [Mintusov I. E., Yachmeneva O. A. On the practice of electronic voting in the countries of South America. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, 2023, (2): 71–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yidpqa>
9. Морозова С. С., Будко Д. А. Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18. № 4. С. 456–469. [Morozova S. S., Budko D. A. Features of the digital democracy development in Russian cities (on the example of St. Petersburg). *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS*, 2022, 18(4): 456–469. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.407>
10. Ciancio A., Kämpfen F. The heterogeneous effects of internet voting. *European Journal of Political Economy*, 2023, vol. 79. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102444>
11. Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland. *Electoral Studies*, 2017, 47: 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2017.03.001>
12. Goodman N., Stokes L. C. Reducing the cost of voting: An evaluation of Internet voting's effect on turnout. *British Journal of Political Science*, 2020, 50(3): 1155–1167. <https://doi.org/10.1017/S0007123417000849>
13. Pieters W., van Haren R. Temptations of turnout and modernisation: E-voting discourses in the UK and The Netherlands. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 2007, 5(4): 276–292. <https://doi.org/10.1108/14779960710846146>
14. Solvak M., Vassil K. Could Internet voting halt declining electoral turnout? New evidence that e-voting is habit forming. *Policy & Internet*, 2018, 10(1): 4–21. <https://doi.org/10.1002/poi3.160>

15. Stromer-Galley J. Will Internet voting increase turnout?: An analysis of voter preference. *Society Online: The Internet in Context*, 2004, 87–102. <https://doi.org/10.4135/9781452229560.n6>
16. Vassil K., Weber T. A bottleneck model of e-voting: Why technology fails to boost turnout. *New Media & Society*, 2011, 13(8): 1336–1354. <https://doi.org/10.1177/1461444811405807>
17. Germann M. Internet voting increases expatriate voter turnout. *Government Information Quarterly*, 2021, 38(3). <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101560>
18. Федоров В. И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году. *PolitBook*. 2024. № 2. С. 77–92. [Fedorov V. I. The Return of Internet voting in the Swiss parliamentary elections in 2023. *PolitBook*, 2024, (2): 77–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>
19. Ehin P., Solvak M., Willemson J., Vinkel P. Internet voting in Estonia 2005–2019: Evidence from eleven elections. *Government Information Quarterly*, 2022, 39(4). <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101718>
20. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ. *Избирательное законодательство и практика*. 2023. № 1. С. 14–20. [Borisov I. B., Ignatov A. V. E-voting in Estonia breaks the record. The general and special in the international development of remote e-voting. *Izбирательное zakonodatelstvo i praktika*, 2023, (1): 14–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfyqlr>
21. Жданов А. И., Коротаев А. В. Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*. 2022. Т. 34. № 3-4. С. 102–127. [Zhdanov A. I., Korotayev A. V. Elections, regime type and risks of revolutionary destabilization: Quantitative experience. *Sociology of Power*, 2022, 34(3-4): 102–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgkjcl>
22. Коротаев А. В., Новиков К. Е., Шульгин С. Г. Ценности пожилых в стареющем мире. *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1. С. 114–142. [Korotayev A. V., Novikov K. E., Shulgin S. G. Values of the elderly people in an aging world. *Sociology of Power*, 2019, 31(1): 114–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pgpslb>
23. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы. *Politbook*. 2024. № 2. С. 51–76. [Vinogradova I. M. Remote electronic voting technology in Russia: Implementation experience and future prospects. *Politbook*, 2024, (2): 51–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
24. Борисов И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2021. № 1. С. 124–139. [Borisov I. B. The end of the pre-digital era of political processes. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, 2021, (1): 124–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hewtvf>
25. Гаджиева А. О. Электронный список избирателей как новый элемент цифровизации избирательного процесса: правовые и организационные основы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 5. С. 44–65. [Gadzhieva A. O. Electronic voters list as a new element of digitalizing electoral process: Legal and organizational basis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 15(5): 44–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.44.65>
26. Borucki I., Hartleb F. Debating e-voting throughout Europe: Constitutional structures, parties' concepts and Europeans' perceptions. *Frontiers in Political Science*, 2023, 5: 1–15. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.982558>